

Кошачьи шаги командора

Прозаик Андрей Дмитриев: 20 лет в литературе

Все так и есть. Ровно 20 лет назад вышел в свет апрельский номер журнала «Новый мир», в котором был напечатан дебютный рассказ молодого писателя Дмитриева «Штиль». Самый солидный по тем временам журнал. Обманчивый образ райского сада. Бунинские интонации, чеховская деталь, 83-й год, штиль жизни — литературный штиль. Рассказ был замечен. Андрей Дмитриев мог стать надеждой позднесоветской литературы. Изводом Трифонова на излете шестидесятилетия. Мог. Но не стал.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Успех надо было развивать. Пробивать все новые и новые рассказы. Социальные параллели — усиливать, политические подтексты — проявлять, героя делать полноценным советским неудачником, в духе «Осеннего марафона». Вместо этого Андрей Дмитриев затаился, ушел в тень, продолжал медленно составлять слова в отточенные фразы, ничего не публиковал. И вновь получил шанс оказаться на гребне литературной волны лишь в начале перестройки.

Другой журнал. Вновь самый «продвинутый» на ту историческую минуту: «Знамя». Опять точное, диагностирующее эпоху название: «Шаги». Снова благожелательное отношение критики. Чрезмерный, болезненный даже интерес демократизирующегося общества к литературе. Готовность вчитать политические смыслы в самые невинные, самые эстетские образы. Феерический успех Татьяны Толстой, Вячеслава Пьецуха. Возможность проснуться знаменитым и стать еще одним Приставкиным наших дней.

Не стал. Опять сместился на периферию литературного процесса, надолго отправился писать следующую короткую вещь. И ладно бы эстетствовал, ладно бы уклонялся от социальности; нет же — время действия его повести «Воскобоев и Елизавета», появившейся в «Дружбе народов» аккурат накануне развала советской империи, недаром было приурочено к 1979-му. То есть к году ввода войск в Афганистан. С которого развал империи и начался. Череда любовных драм и романтических смертей, болотным огнем окруживших жизнь маленького военного городка, представляла демоническим предвестием надвигающейся катастрофы. Но как-то неартикулированно представляла. Как-то размыто. Так что политические смыслы не вчитывались. Скатывались на обочину житейских

ДМИТРИЙ АСТАХОВ

Андрей Дмитриев

сюжетов и традиционных литературных фабул, в которые, как в прокрустово ложе, эти сюжеты жутковатым образом себя загоняли...

А потом переменялись литературные нравы. Спрос на публицистику резко упал, писать спокойно, внятно, но изысканно, что называется, с метафорами, стало немодно. И почти неприлично. Так что на упрямого Дмитриева, решившего вдруг в новой повести «Поворот реки» отыграть ассоциации томазманный романа «Волшебная гора» и при этом чуть ли не наложить его контуры на рассказ Леонида Пантелеева «Честное слово», законодатели вкусов посмотрели косо. Товарищ явно не понимал. И товарища явно не понимали.

Роман «Закрытая книга», на сегодня главное дмитриевское сочинение, поспел к славному 10-летию кончины советской власти; короткое повествование охватывало почти вековой период, диагностировало конец славно-бесславной эпохи русско-советской интеллигенции, полемизировало с Каверинным и аукалось с ритмизованными историческими романами позднего Юрия Давыдова, вместо того чтобы выстраиваться в очередь за Пелевиным. Закрывало книгу. И одновременно давало образ человека — как закрытой книги. В которую подчас лучше не заглядывать.

Когда последняя по времени дмитриевская повесть, вышитая по канве солженицынского «Матренина двора», получила премию Аполлона Григорьева за 2002 год, это вызвало радость ценителей — и глухое недовольство литературного истеблишмента. Который как не признавал право Дмитриева на успех, так и не признает. На что писателю, кажется, наплевать. Как, впрочем, и на сам успех. Что неудивительно. В кошачьей поступи его литературных шагов аккуратнотлохнет железная поступь командора. Доброжелательно-ленивая интонация его прозы умело скрывает внутреннюю жесткость, уверенность в собственной правоте, силе — и в том, что время догоняет того, кто отказывается догонять время.

Издан в 2003 году